

В.М.Сергеев, Т.В.Полякова

РОССИЯ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Россия вступает в XXI в. в условиях смены прежнего миропорядка – завершился цикл развития системы международных отношений, сложившейся после 1945 г. Нынешние нестабильность, неясность перспектив вынуждают задуматься о роли и месте России в мировом сообществе, о путях и способах адаптации к современной реальности. Неудачи внутренних реформ, социально-экономические трудности значительно ослабили позиции страны в мире, поэтому сегодня так необходимы разумные подходы и к глобальным вызовам, и к взаимоотношениям с различными регионами и странами.

Что заставляет меняться современную систему международных отношений? Предлагаемый анализ перспектив нового мирового порядка основан на представлениях о «полюсах влияния». Многие известные эксперты (К.Омаэ, О.Андерсон и др.) в качестве «полюсов влияния» рассматривают регионы, иногда транснациональные, иногда являющиеся всего лишь частью какой-либо страны. На этих территориях произошла значительная концентрация человеческого и финансового капиталов, средств коммуникаций и коммуникационных структур, высоких технологий. Такие регионы становятся центрами политического влияния и превращаются в так называемые «ворота в глобальный мир».

Глобализация способствует регионализации, поскольку создает новые возможности обмена различного рода потоками. Как следствие, возникают локальные центры перераспределения потоков, где расходуетесь львиная доля мировых транзакционных издержек и по существу возникает опирающаяся на них новая экономика. В больших государствах появляются регионы, имеющие свой собственный, особый доступ к различным ресурсам.

Развитие региональных центров влияния серьезнейшим образом меняет «многополярность» и роль отдельных государств на мировой арене. По существу глобализация способствует созданию ситуации полицентризма, но полицентризма не государственного, а связанного с глобализацией. Локальные центры могут не совпадать со столицами, а поскольку там формируются региональные элиты, то они начинают конкурировать с уже существующими за политическое и экономическое влияние.

В мировой политике резко возрастает роль международных организаций, усиливаются тенденции размывания государственного суверенитета. Глобальные проблемы выходят за рамки чисто экономических и становятся политическими, выбор стратегии развития является приоритетным не только для экономических акторов, но и для государства.

Изменения в международной системе

¹ Эта идея восходит к работам Ф.Броделя и И.Валлерстайна.

Большинство западных аналитиков сегодня рассматривают международную систему в рамках концепции *центр – периферия*, в которой *центр*, или *ядро*, промышленно развитых стран противопоставляется странам с переходной экономикой, развивающимся и бедным¹. Такая концепция предполагает, что основные ценности, политические и экономические институты, научно-технологические инновации создаются в *центре* и распространяются на периферию. Тем самым *ядро* становится единственным реальным субъектом мирового развития, а *периферия* – объектом воздействия.

В русле глобализации транснациональным корпорациям и международным экономическим организациям принадлежит доминирующая роль в формировании мирового экономического порядка. При этом проблемы глобализации тесно увязываются с проблемами технологического развития, прежде всего – с совершенствованием средств связи и транспорта, а также с изменением правил регулирования финансовых, товарных и миграционных потоков между государствами, прежде всего – внутри *ядра* международной системы.

Еще одним изменением, определяющим будущий миропорядок, по мнению значительного числа аналитиков, является размывание государства, то есть утрата им суверенитета, в связи с тенденцией установления приоритета гуманитарного права над национальным законодательством, а также возрастающей ролью международных правительственных (ГАТТ, ОЭСР) и неправительственных организаций, стремящихся контролировать и ограничивать традиционные методы и возможности воздействия государств, прежде всего государств *периферии*, на национальную экономику и международные экономические отношения.

«Размывание» суверенитета затрагивает и военно-политическую сферу: возрастает роль НАТО, возложившей на себя функции по поддержанию мира на глобальном уровне и расширившей собственное вмешательство далеко за пределы границ государств-участников организации.

Каково возможное место России в той новой картине мира, которая складывается в результате комбинации происходящих процессов, и как российская внешняя политика должна увязываться с теми, во многом противоречивыми, тенденциями, которые определяют существо происходящих в мире изменений? Следует ли принимать развитие упомянутых тенденций как неизбежность, с которой России и другим странам, находящимся в настоящий момент вне *ядра* экономически развитых государств, остается лишь смириться? Иными словами, возможны ли альтернативные варианты мирового развития?

Уязвимость концепции «центр – периферия»

В качестве одной из альтернатив предлагается концепция *многополюсного мира*. Однако смысл многополюсности во многом остается непроясненным. Если она будет реализовываться преимущественно в политической сфере, то как тогда соотносится многополюсный мир с тенденцией к глобализации? Что могут представлять собой предполагаемые «полюса»: национальные государства, военно-поли-

тические союзы национальных государств, экономические объединения, региональные экономические центры?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходим глубокий и беспристрастный анализ существующей ситуации, учитывающий все многообразие структур, составляющих современные международные отношения, и не ограничивающийся рассмотрением лишь национального экономического и технологического развития, как это делают сторонники концепции *центр – периферия*. Деля все государства мира на два класса – развитые страны Европы, Северной Америки, Австралия, Новая Зеландия, Япония, выступающие в качестве *мотора* мирового развития, и все остальные, пассивно следующие по наметченному первым пути, – они оставляют за пределами так понимаемого *центра* и Россию, и Китай, и Индию, и новые индустриальные страны Азии и Латинской Америки. Однако эти государства, обладая значительным человеческим, научным, технологическим и экономическим потенциалом, никак не могут рассматриваться как пассивная составляющая системы международных отношений. Их трудно причислить к экономически и технологически развитому *ядру*, но в то же время совершенно невозможно считать и *периферией*. Внутри каждой из этих стран существуют свои *центр* и *периферия*.

У перечисленной группы государств есть общие интересы как с промышленно развитыми странами *ядра*, так и с развивающимися *периферии*. Страдая от внутренних этнических, социальных и экономических конфликтов, эти страны очень уязвимы в отношении государственного суверенитета. В то же время именно по причине экономических трудностей там значительно сложнее поддерживать те стандарты гуманитарного права, которые устанавливаются по инициативе стран *ядра*. Вместе с тем эти страны, обладающие значительным социокультурным потенциалом и культурными традициями, вряд ли в обозримой перспективе могут быть интегрированы в *ядро*, становящееся все более гомогенным в культурном отношении.

Таким образом, концепция *ядро – периферия* не учитывает реальной сложности современных международных отношений. Но если будущее больших стран вне *ядра* не может быть адекватно описано в рамках модели *центр – периферия*, какая модель международного порядка позволит это сделать?

**Характер
экономической
глобализации**

Основной вызов России в современных условиях – это глобализация мировой экономики, которая характеризуется новой географией размещения массовых производств, формированием мирового финансового рынка. Фактические данные о потоках капитала, товаров и рабочей силы свидетельствуют о том, что обычное понимание глобализации как более-менее равномерно охватывающей весь земной шар единой системы коммуникаций, образующей плотную всемирную сеть, далеко от реальности. Гораздо более адекватной представляется модель «*ворот в глобальный мир*», то есть тесно взаимодействующей

системы нескольких небольших по размеру регионов, в которых концентрируются финансовые, интеллектуальные, экономические и коммуникационные ресурсы и через которые проходят финансовые, товарные и миграционные потоки.

Основные биржи находятся в крупных экономических центрах, где обычно сосредоточены и банки. Рядом с этими центрами располагаются, как правило, университеты, специализирующиеся на подготовке ученых, инженеров, юристов, менеджеров высокой квалификации; вокруг университетов концентрируется высокотехнологичная промышленность. Совмещение ряда таких разнофункциональных центров притяжения на небольшой территории и превращает эти территории в «ворота в глобальный мир».

За последние 15–20 лет размах и интенсивность сделок, осуществляемых в регионах – «воротах», выросли взрывообразно. В то же время стратегические ресурсы и деловая активность непропорционально концентрируются в крупных городах. В 1997 г. 25 городов контролировали 83% мировых активов, что составляло приблизительно половину мировой рыночной капитализации (20,9 трлн. долл.); 58% объемов глобального биржевого рынка сосредоточены в Лондоне, Нью-Йорке и Токио. На глобальные регионы – «ворота» приходится до 50% транзакционных издержек. Из 50 крупнейших мировых фирм, предоставляющих финансовые услуги, 72% всех сделок в 1997 г. произвели первые десять, восемь из которых были американскими.

В настоящий момент на территории Европы функционируют по меньшей мере четыре многофункциональных центра притяжения: Большой Лондон (имеется в виду весь юго-восток Англии), район Амстердам – Роттердам, Большой Франкфурт с прилегающими рейнскими территориями и Большой Милан (Северная Италия от Венеции до Турина и Генуи). В Соединенных Штатах Америки следует назвать районы Бостон – Нью-Йорк и Сан-Франциско – Лос-Анджелес, в Японии – район Токио – Осака, в Китае – Большой Шанхай. Разумеется, есть несколько менее крупных «ворот».

Такие страны, как Южная Корея, Япония, Тайвань, а также Австралия и Новая Зеландия, и такие города, как Гонконг и Сингапур, вплотную приблизились к передовым экономикам Европы и Северной Америки в том, что касается доходов на душу населения, ресурсов и доступа к мировым рынкам. Экономика расположена в глобальном информационном пространстве, что позволяет возникать новым «воротам в глобальный мир».

Фактически процесс глобализации экономики сводится к установлению тесных связей между такими «воротами», а вовсе не к равномерному покрытию всего пространства земного шара коммуникационными сетями. Основным стимулом при формировании центров глобализации является стремление к минимизации транзакционных издержек.

В больших по площади государствах возникают территории, где уровень благосостояния значительно выше среднего по стране. Это означает, что неоднородность, характерная для таких государств, как Россия, Индия или Китай, с формированием «ворот в глобальный мир» становится присущей и развитым странам.

Фактически глобализация усиливает региональную неоднородность по всей территории земного шара, создавая политические проблемы. Она ведет к усилению *полицентричной сегментации*, но не государственно-политической, а регионально-экономической. Определенную напряженность в отношениях центр-периферия создает не только соперничество элит, но и необходимость, вследствие неравномерности экономического развития, перераспределения ресурсов, что само по себе процедура болезненная. Пока неясно, в каком направлении и как будут развиваться эти отношения.

**Миграционные
потоки
в условиях
глобализации
(на примере
Южной
Калифорнии)**

Наиболее ярким примером перераспределения миграционных потоков в регионе, ставшем «воротами в глобальный мир», является Южная Калифорния – образец полицентричной сегментации. Южная Калифорния – единственный в Америке мегаполис, включающий в себя территории двух стран, как развитой, так и развивающейся. Поэтому в результате простого пересечения границы затраты на рабочую силу могут снижаться на 85%. Поток мигрантов создал в регионе целую подпольную экономику, равную которой найти трудно.

Полицентричная городская структура Южной Калифорнии благоприятствовала значительной *сегментации* в каждом секторе экономики и в каждом виде экономической деятельности. В результате там сосуществуют совершенно разные стандарты и очень значительные диспропорции. Высокий уровень сегментации в пределах региона обеспечил ему и конкурентные преимущества. Южная Калифорния стала «воротами в глобальный мир» благодаря миграции рабочей силы.

Низкостоймостные территории и сообщества, охватывающие более бедное население с менее престижными профессиями и более низким доходом, привязываются к потребностям *высокостоймостных* сообществ. Поэтому низкостоймостные сообщества – главный пункт назначения бедных иммигрантов, то есть дешевой рабочей силы, необходимой для высокостоймостных видов деятельности. Подобного рода встроенное сосуществование низкостоймостных и высокостоймостных сообществ, являющееся результатом полицентричной сегментации, очень важно для глобальной конкурентоспособности региона.

В полицентричной структуре Южной Калифорнии экономическая встроенность прекрасно сосуществует с изоляцией: низкостоймостные сообщества как поставщики дешевой и послушной иммигрантской рабочей силы могут быть лишены возможности выйти за рамки этой узкой функциональной роли.

Этническое, расовое, религиозное и культурное многообразие – неотъемлемый компонент жизни региона. Общины Южной Калифор-

нии, в составе которых более 60 этнических групп, связывают ее экономику с родственными этническими группами по всему миру, обеспечивая доступ к широкому спектру зарубежных рынков и минимизируя языковые и культурные барьеры экономического обмена. Эти традиционные фирмы сосуществуют с промышленностью высоких технологий и высокооплачиваемыми видами деятельности.

Сегментация в Южной Калифорнии поддерживается с помощью разного рода *барьеров* на пути проникновения потоков в определенные зоны или сферы, например, в виде ограничения доступа к социальным благам. В приграничных регионах используются стоимостные барьеры, действующие на основе разницы в уровнях доходов, а также этнических и расовых характеристик. Такие барьеры делают возможной выборочную сегментацию областей, при которой территории с высокими доходами имеют доступ к наиболее важным глобальным потокам, а бедным районам доступны лишь вспомогательные (в частности, миграция рабочей силы). Целью таких барьеров обычно является контроль за трансграничными потоками.

В случае Южной Калифорнии эти преграды вполне преодолимы, особенно для нелегальной трудовой миграции, поддерживающей конкурентоспособность региона. Примером может служить быстрый рост «заводов-близнецов» по американскую и мексиканскую стороны границы, принадлежащих обычно одной и той же фирме, пользующейся преимуществом очень низкой стоимости рабочей силы, которая находится на мексиканской стороне. Трудоемкие производства расположены в Мексике, в Тихуане, а капиталоемкие операции остаются в Америке. Таким образом, барьер суверенитета двух стран в виде государственной границы в Южной Калифорнии в значительной степени преодолен – к выгоде большого количества компаний на американской стороне региона и в интересах мексиканской стороны. Нелегальные мексиканские рабочие на американской стороне посылают домой большие суммы из своих зарплат, повышая местные доходы. Неудивительно, что город Тихуана в течение многих лет имел самый высокий в Мексике доход на душу населения, намного больший, чем в столице Мехико-Сити.

В то же время нелегальные мексиканские рабочие не имеют доступа к различного рода общественным благам на американской стороне, экономя расходы американских компаний и муниципалитетов.

Такого рода сегментация экономики и социальной сферы стала источником преимуществ в новой глобальной экономике.

**«Размывание»
суверенитета
и изменение
международного
права**

Рост благосостояния в странах-лидерах, сопровождающийся формированием гуманитарной системы ценностей, делает правящие элиты заложником возросших требований населения в области гуманитарного права, в том числе в международной политике. Как элиты, так и общества в целом начинают объяснять социальные, региональные и этнические конфликты неадекватными действиями национальных прави-

тельств. При этом предполагается, что «гуманизация» политики государств автоматически приведет к исчезновению конфликтов. Данное представление лежит в основе *гуманитарного интервенционизма*.

Между тем реальное воплощение этой политики в Боснии, Косово, Чечне или Восточном Тиморе свидетельствует о том, что этнические и религиозные конфликты невозможно устранить простым введением контингента миротворческих сил. Максимум, что можно сделать, — это «заморозить» ситуацию, обрекая страны и международные организации, которые участвует в решении конфликта, поддерживать режим протектората на «умиротворенных» территориях в течение десятилетий.

В то же время отстаивание идеи гуманитарного интервенционизма и первенства гуманитарного права по отношению к традиционному международному праву, базирующемуся на принципе суверенитета национальных государств, означает радикальное переосмысление *концепции государственного суверенитета* и резкое сужение сферы ее действия. Долгосрочные последствия такой *десуверенизации* трудно прогнозировать. Фактически эта политика подталкивает радикальные группы внутри религиозных и этнических меньшинств к конфликту в надежде на победу с помощью миротворческих сил, причем процесс этот не ограничивается странами *периферии*, он может затронуть и страны *центра*.

В то же время в ближайшей перспективе трудно ожидать формирования единого центра принятия решений, способного создать ситуацию монополярности. Речь может идти лишь о развитии существующих механизмов координации внешней политики стран-лидеров. Именно в силу множественности существующих «ворот в глобальный мир», где концентрируется принятие основных решений экономического характера, конкуренции различных центров притяжения, с одной стороны, и традиционных государственных институтов — с другой, маловероятно формирование надгосударственных институтов, объединяющих все основные страны *ядра*. Что отнюдь не означает приостановки развития согласительных институтов.

Вместе с тем нельзя игнорировать политической интеграции стран *ядра* в случае, например, если растущее гуманитарное давление на различные группы стран вне ядра приведет к координации действий для сопротивления этому давлению, а такая координация, в свою очередь, послужит своеобразным вызовом, ответом на который может стать усиление интеграции стран *ядра*, приводящее к доминированию институтов наднационального характера.

Таким образом, создается впечатление, что внутри *ядра* процесс десуверенизации носит самоподдерживающийся характер. Его следствием, скорее всего, станет не интеграция в традиционном смысле слова, а концентрация политического влияния в *центрах притяжения*, сопровождающаяся неформальной координацией действий, что может обернуться деградацией традиционных демократических институтов и механизмов.

**Перспективы
будущего
«многополюсного»
мира**

Анализ процессов глобализации показывает, что наилучшие перспективы стать полюсами влияния в рамках будущего миропорядка имеют не национальные государства или их объединения, а регионы, являющиеся «воротами в глобальный мир». Необходимо подчеркнуть, что это не «полюса силы» (регионы не будут располагать самостоятельными вооруженными силами), а именно «полюса влияния», основанные на тесной кооперации трансгосударственной сети институтов и организаций. Фактически в таком регионе складывается «распределенная» система власти, в которой основными акторами становятся транснациональные неправительственные организации.

В относительно благоприятной ситуации могут оказаться небольшие государства, территории которых совпадают или могут совпасть с территорией региона – «ворот» (Нидерланды, Люксембург, Сингапур), что позволит избежать соперничества между государственной властью и *центром влияния*.

Концентрация экономической мощи в небольших по территории регионах сопровождается ослаблением традиционных демократических организаций – политических партий, профсоюзов и т.п. Функции мобилизации переходят к средствам массовых коммуникаций и неправительственным общественным организациям типа «Гринпис» или «Эмнести Интернэшнл», часто манипулирующих общественным мнением. Это ведет к перерождению традиционной демократии в «управляемую демократию», особенно когда СМИ находятся под контролем транснациональных корпораций и элит «зон процветания». Политическое влияние переходит к олигархическим структурам, использующим принципиально иные механизмы разрешения конфликтов. Центры переговоров и достижения консенсуса перемещаются из парламентов в неформальные, полужформальные или формальные, но неконституционные (во всяком случае, не вполне демократические) институты типа «большой семерки», Давосской конференции и т.п. Поэтому в случае массового недовольства таким развитием событий протест примет радикальные формы, что будет стимулировать авторитаризацию режимов соответствующих стран или, по крайней мере, рост контролируемости демократических процессов.

Координация взаимодействия таких негосударственных *полюсов притяжения* будет, по-видимому, осуществляться неправительственными международными организациями с размытой ответственностью, что создает принципиально иную многополярность, отличную от традиционной, основанной на взаимодействии национальных государств или их объединений.

**Обострение
проблемы
нехватки
ископаемых
видов топлива**

Центральной проблемой нового тысячелетия может стать проблема истощения и нехватки энергетических ресурсов и связанная с этим задача дальнейшего поступательного экономического развития.

Имеется фундаментальное различие между свойствами денег и свойствами материи и энергии, от которых зависит функционирова-

ние физического мира. Деньги в действительности – всего-навсего бумага и поэтому не ограничены законами, в пределах которых функционируют материальная и энергетическая системы.

Несмотря на колебания, процентная ставка с 1910 г. по настоящее время оставалась неизменно выше темпов роста, что на протяжении XX столетия вызывало почти непрерывный рост цен. Поскольку ископаемые энергетические ресурсы, и нефть в частности, конечны, причем основные геологические запасы нефти в XXI в. будут в основном исчерпаны, в ближайшие годы неизбежен рост цен на нефть и в обозримом будущем – новая технологическая революция. «Эра нефти» в XXI в., по всей видимости, закончится, необходим поиск принципиально новых технологий.

Так как принципы экспоненциального роста типа процентной ставки, отличной от нуля, несовместимы с состоянием отсутствия роста, понятно, что будут предприняты экстраординарные усилия, чтобы избежать прекращения роста. Однако учитывая ресурсные ограничения, в конечном счете необходимо будет приспособливаться и менять устоявшиеся инструменты воздействия. Проблема выбора стратегии, связанной с ростом экономики знания, перестает быть проблемой только экономической, становится государственной. Глобализация не может реализовываться без определенной стратегии государства.

Роль науки и технологий

В этой ситуации многократно возрастает роль науки, а доступ к знаниям приобретает особое значение. Университеты, исследовательские учреждения, фирмы, руководители крупных городских агломераций объединяют усилия, чтобы создать в своих регионах надежную интеллектуальную базу, так как без нее невозможен экономический рост.

Если раньше через военные программы, с помощью науки создавалась мощь государства, то в современных условиях непосредственное включение науки в технологический процесс – это проблема выживания, особенно для России.

Контакты ученых носят международный или даже глобальный характер, однако географическая близость между ними по-прежнему является важным критерием научного сотрудничества. Идеи, помноженные на непосредственное общение, – формула продуктивной научной деятельности. А в успешном развитии идей по-прежнему важную роль играют экономические факторы.

В последнее десятилетие резко изменился сам характер доступа к информации: телекоммуникационные системы сделали возможным получение огромных массивов данных, как научных, так и общественно-политических, свободно и мгновенно по всему миру. Стремительный рост всемирной сети Интернет, которая изначально была задумана и реализована как закрытая система связи военных штабов США, а на сегодняшний день поддерживается десятками, если не сотнями тысяч организаций, является, пожалуй, наиболее ярким примером стремления к снижению транзакционных издержек.

В конечном счете, соединение научных школ, образовательных и научных учреждений и производств высоких технологий, ориентированных на глобальный мировой рынок, в одном компактном регионе – это необходимое условие для успешного технологического прорыва. В то же время это и одно из необходимых условий становления регионов – «ворот в глобальный мир».

**Может ли
Россия
противостоять
странам ядра?**

Поскольку воплощение в жизнь модели *ядро – периферия* фактически означало бы отнесение России к странам периферии, возникает естественный вопрос, может ли она что-то противопоставить этой тенденции? Предложенный Западом в начале 90-х годов вариант интеграции России в мировое сообщество (читай – сообщество стран *ядра*) был обставлен такими условиями, выполнение которых фактически сняло возможность такой интеграции с повестки дня.

После того, как Россия обросла огромным государственным долгом, а ее промышленный потенциал катастрофически сократился, ни о каком противостоянии сообществу стран *ядра* в одиночку, разумеется, не может быть и речи. Остается вопрос: возможно ли организовать коллективное противостояние, объединив крупные страны, оставшиеся вне *ядра*, прежде всего Китай и Индию.

Здесь нельзя не учитывать реальных различий между этими государствами. Китай демонстрирует высокие темпы экономического развития, оказывается весьма привлекательным инвестиционным рынком, в силу чего, несмотря на наличие острейших идеологических разногласий, он сравнительно успешно интегрируется в различные международные организации. Учитывая высокий динамизм китайской экономики и размеры страны, численность населения, а также очевидные амбиции руководства, Россия в союзе с ним вряд ли может рассчитывать на что-либо, кроме положения «младшего партнера», несмотря на очевидную заинтересованность Китая в российских военных технологиях и сходство проблем, порождаемых потенциальными этническими конфликтами.

Индия развивается не так динамично, как Китай, ее этнические и религиозные проблемы, возможно, острее тех, с которыми сталкиваются Россия и Китай. Кроме того, общеизвестны факторы, омрачающие отношения Индии с Китаем. Пространство общих интересов России и Индии не столь уж широко.

Следовательно, шансы на создание жизнеспособной коалиции невелики. Кроме того, даже если бы такая коалиция была создана, Россия оказалась бы наиболее уязвимой из трех ее предполагаемых членов в отношениях с Западом – как в силу географического положения, так и по причине огромной внешней задолженности; с этой точки зрения, Индия и Китай могут чувствовать себя не в пример увереннее.

Еще менее перспективными представляются попытки блокирования с другими странами этого круга: Индонезией, Пакистаном или Ираном.

Дополнительной возможностью противостояния странам *ядра* является использование потенциала международных организаций, прежде всего ООН. Однако, как показал косовский кризис, эти возможности весьма ограничены: в одиночку (и даже при поддержке Китая) Россия в Совете Безопасности сделать ничего не может, а частое использование вето для блокирования нежелательных для нее решений может завершиться тем, что такие решения будут приниматься в обход ООН и приведут к фактической ликвидации этой организации как действенного субъекта международных отношений. Вывод из сказанного очевиден: политика, направленная на противостояние Западу, в сущности, бесперспективна. Хотя отказ от такого противостояния отнюдь не означает пренебрежения собственными интересами.

Возможна ли интеграция России в *ядро* на межгосударственном уровне? Она могла бы состояться, если бы процесс сближения носил обоюдный характер. В настоящее время можно, однако, с уверенностью утверждать, что Запад не демонстрирует никакого желания принимать Россию в свой «элитный клуб». Определенные круги в западных странах довольно откровенно выражают все возрастающие сомнения в перспективах самого существования России в ее нынешнем виде. Многочисленные попытки установить тесные контакты в области экономических и военно-политических отношений (например, договор Россия – НАТО) свидетельствуют о том, что западные правительства с легкостью игнорируют свои обязательства в отношении России, если находят это нужным.

Пример неудачной попытки интеграции в западный мир – участие России в «большой восьмерке». Несмотря на формальное членство, ее роль в этом форуме минимальна и носит скорее ритуальный и символический характер. Россия не участвует в выработке и принятии решений, ей не удается извлечь реальных экономических выгод.

Одним из условий интеграции нашей страны, на котором неизменно настаивал Запад, было создание демократических институтов, однако фактическая политика западных стран по отношению к России реально укреплению этих институтов не содействовала, да Запад таких вопросов на повестку дня и не ставил. Прекращать усилия в этом направлении не стоит, но дорога в западный мир через межгосударственные отношения и институты, судя по всему, очень трудна.

**Возможно ли
появление
в России своих
«ворот
в глобальный
мир»?**

В настоящий момент в России наблюдается колоссальная региональная неоднородность: при общем тяжелом экономическом положении те регионы, в которых сосредоточены основные человеческие, интеллектуальные и финансовые ресурсы, демонстрируют позитивную динамику развития. Это, прежде всего, Москва и Московская область и Санкт-Петербург и Ленинградская область. Если учесть, что названные регионы обладают относительно хорошей транспортной инфраструктурой, большим интеллектуальным и научным потенциалом, в том числе в области высоких технологий, район Москва –

Санкт-Петербург вполне может рассматриваться в качестве будущих «ворот в глобальный мир». Для реализации этой возможности не достает, прежде всего, финансовых ресурсов и развитой законодательной базы, особенно в области прав собственности, иностранных инвестиций и деятельности венчурного капитала. Пока чрезвычайно высоки транзакционные издержки, но уже в обозримом будущем можно рассчитывать на улучшение этих условий.

Разумеется, в случае успешного осуществления подобной трансформации Россия столкнется с теми же проблемами, с которыми сталкиваются страны, уже располагающие «воротами в глобальный мир», прежде всего — с резкой неоднородностью экономического развития и уровня благосостояния регионов и, как следствие, с серьезными расхождениями в политических интересах и ориентациях проживающего в этих регионах населения.

Однако в том случае, если «ворота в глобальный мир» удастся создать, интеграция этого района в сеть глобального взаимодействия будет осуществляться, независимо от желания или нежелания западных правительств (как это уже наблюдается в случае Шанхая в Китае). Формирование «ворот в глобальный мир» неизбежно приведет к появлению пророссийского лобби внутри ядра, которое будет оказывать давление на правительства своих стран, в том числе и в интересах России (о том, что такое возможно, свидетельствует позиция германского правительства, в целом более мягкая в отношении России, что объясняется влиянием деловых кругов, все еще не утративших интереса к отечественной экономике).

Наиболее естественный путь России внутрь ядра состоит в создании наиболее благоприятных условий для формирования анклава этого ядра на части территории. Разумеется, это возможно лишь при активной поддержке российских государственных структур: правительства, парламента, судебной системы. Такая территория не может быть большой, поскольку создание «ворот» предполагает значительные капиталовложения в инфраструктуру, что вряд ли возможно в масштабах всей страны, в особенности такой, как Россия.

Если допустить, что Россия не пойдет по этому пути, то ее будущее представляется довольно печальным. Ясно, что «золотой нефтяной век» позади. Вполне вероятно, что в ближайшее десятилетие страна превратится из одного из крупнейших экспортеров нефти в крупного импортера, поскольку собственные запасы кончаются, средств на разведку и разработку новых месторождений у государства нет, а частные инвесторы вкладывать деньги не будут. Свернуть потребление нефти также не удастся, так как значительная часть отопительной системы и транспорта страны ориентирована на нефтепродукты. Экспортные средства, полученные от продажи вооружений, никеля и других важных статей дохода государства, будут потрачены на импорт нефти и выплату внешнего долга. Резкое повышение среднего возраста за счет демографического срыва рождаемости в 1990-1992 гг., значительные

социальные проблемы из-за отсутствия бюджетных средств и нарастающих выплат по внешним долгам при любом сценарии окажутся серьезными проблемами, однако фактическая самоизоляция России в такой ситуации самоубийственна в буквальном смысле. Население России сократится катастрофически просто потому, что имеющегося хлеба и тепла на всех не хватит. Обычно в России такие кризисы не бывают бескровными.

Включение России в глобальную экономику фактически уже произошло. Однако, вследствие целого ряда непродуманных политических и экономических решений эпох Горбачева и Ельцина, страна оказалась в той же ситуации, что и большинство развивающихся стран *периферии*, – т.е. поставщиком ресурсов, сырья и дешевой рабочей силы. Управление этими потоками фактически переместилось в мировые глобальные центры. Даже золотовалютные запасы Центральный банк России держит за рубежом. Движение по этому пути представляется наиболее вероятным и в ближайшем будущем, то есть через череду крупных и мелких кризисов и обвалов Россия выйдет на новый, более низкий, уровень жизни. Численность стареющего населения сократится, экономика, как и сегодня, будет целиком зависеть от сырьевой и добывающей промышленности, но при этом все остальные отрасли естественно отомрут либо останутся на самом низком уровне, необходимом для поддержания добывающих.

Включение России в глобальную экономику путем создания собственных *«ворот в глобальный мир»* также не сулит счастья и процветания всем живущим в России. Неизбежны рост социального и политического неравенства, приток мигрантов, расслоение общества, быстрый разрыв в экономическом развитии территорий и, возможно, опустение целых областей, не вовлеченных в глобальную экономику. Если добавить сюда слабость власти, а также резко падающий средний уровень социальной защиты населения, то это, в некотором смысле, можно назвать революцией. Революцией, связанной с переходом всего человеческого сообщества от экстенсивного, экспоненциального способа жизни к тому состоянию, когда скорость роста населения в мире падает, а по прогнозам, в середине XXI в. может начать снижаться и в абсолютном исчислении. Природа предлагает всего два пути выхода из фазы экспоненциального роста: на новый стационарный уровень с нулевым ростом или быстрый экспоненциальный спад. Всем придется научиться жить в этих новых условиях и суметь достичь нового стационарного состояния – или исчезнуть. Это не вопрос будущего. Это суть уже происходящих перемен в мире и, нравятся нам это или нет, – в России.

Поэтому интеграция России в мировую экономическую систему через создание на ее территории собственных *«ворот в глобальный мир»* представляется наиболее предпочтительной, несмотря на то, что процесс этот сопровождается эрозией национального государства, в частности, благодаря значительным миграционным потокам. Именно

они способствуют становлению и развитию регионов – «ворот». Принципиально важной становится проблема социально-политического обеспечения мигрантов, которую в рамках одной страны решить невозможно. Это проблема международного плана, и здесь необходимы совместные усилия мирового сообщества.

Разумеется, в случае успеха подобной трансформации Россия столкнется с теми же проблемами, с которыми сталкиваются страны, уже имеющие «ворота в глобальный мир», прежде всего – с резкой неоднородностью в экономическом развитии и в уровне благосостояния регионов и, как следствие, с серьезными расхождениями политических и экономических интересов элит и проживающего в этих регионах населения. Опыт развития богатых и благополучных стран демонстрирует, что невозможно добиться равномерного экономического благосостояния на всей территории, даже богатым в финансовом отношении странам это не под силу.

«Ворота в глобальный мир» позволят создать регионы с высоким уровнем жизни, инвестиций, инфраструктурой и что самое важное – сформировать собственные центры управления экономическими процессами. Ради постепенного расширения «ворот» придется смириться с их принципиально негосударственным, транснациональным характером. На этой основе в будущем возникает возможность реального полноценного вхождения России как страны в *ядро* развитых стран, отсутствующая в остальных сценариях. Вместе с тем процесс десоверенизации в условиях глобализации сопровождается усилением роли государства, поскольку глобализация может реализоваться только при определенной стратегии государства – ведь именно оно создает соответствующие условия для экономического роста.